

Судя по его воспоминаниям, Мясоедов, которого адвокат впервые увидел уже во время судебного заседания, играл на процессе пассивную роль. Подполковник появился в Вильне не по собственной инициативе, а по вызову одного из подсудимых, которого «хорошо знал по Вержболову». Разумеется, свидетель дал ему «прекрасную аттестацию» (возможно, в благодарность за прошлые услуги). Грузенберг, как тонкий психолог, почувствовал, что Мясоедов «чем-то обижен», вывел его из равновесия и затем спросил, находились ли обвиняемые в официальных списках подозреваемых в политических преступлениях и какова их характеристика. Это составляло служебную тайну, и Мясоедов поначалу отказался отвечать, открыв секретные сведения лишь по настоянию председателя суда. И тут опытный адвокат спровоцировал офицера на то, чтобы выплеснуть обиду на Пономарёва и рассказать, как «обнаружил в своём автомобиле взрывчатые снаряды и литературу»²⁸.

Кадетская пресса сразу же подняла шум, Президиум Думы просил Столыпина немедленно удалить поручика от должности, и уже 9 апреля Челноков беседовал об этом с председателем Совета министров. На следующий день Пономарёву пришлось покинуть свою квартиру в Таврическом дворце²⁹.

Столыпин, естественно, считал Мясоедова виновником публичного унижения МВД и распорядился перевести его за Урал. Но тот, не чувствуя вины, всячески пытался остаться на прежнем месте и даже обращался к начальнику Главного управления Генерального штаба Ф.Ф. Палицыну³⁰, руководившему русской разведкой, очевидно, ожидая от него помощи.

27 сентября 1907 г. Мясоедов вышел в отставку, однако не потерял надежду оправдаться. «После моего ухода, — писал он Столыпину, — во время выборов в Государственную думу в сентябре месяце 1907 г. ко мне обратились кадетствующие знакомые, прося дать им материал для напечатания в газетах для предвыборной агитации, но я с негодованием отверг это предложение» (с. 93). Эти строки полностью опровергают утверждение А.М. Попова о том, что Мясоедов «стал врагом государства, врагом политического строя» и в 1907 г. был уже «на стороне кадетов, т.е. на стороне революции» (с. 97). Нет, он по-прежнему принадлежал к числу защитников власти, но оказался жертвой борьбы, происходившей внутри правительственных структур.

Александр Сорокин: В.Н. Коковцов и В.А. Сухомлинов

*Alexander Sorokin (Institute of International Relations and World History,
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia):
V.N. Kokovtsov and V.A. Sukhomlinov*

DOI: 10.7868/S3034579025060144

Споры о роли военного министра В.А. Сухомлинова в политической борьбе позднеимперского периода не утихают³¹. Генерал находился в сложных и зачастую неприязненных взаимоотношениях со многими государственными,

²⁸ Грузенберг О.О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 52–54.

²⁹ Некрасов Н.В. Корнет-провокатор... С. 133–134.

³⁰ Фуллер У. Указ. соч. С. 44.

³¹ Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Суд над генералом...; Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Роковая женщина...

военными и политическими деятелями, не исключая и главу финансового ведомства, а с осени 1911 г. — председателя Совета министров В.Н. Коковцова, которого А.М. Попов считает одним из главных действующих лиц в политических интригах вокруг «дискредитации С.Н. Мясоедова» в 1912 г. (с. 357).

Согласно воспоминаниям Коковцова, до весны 1909 г. у него не возникало разногласий с Сухомлиновым, но, сменив А.Ф. Редигера на министерском посту, тот вынужден был «сразу же войти в конфликт, главным образом со мною, как министром финансов, и нашему расхождению по текущим делам после первых же расхождений во взглядах на размеры кредитов, испрашиваемых его ведомством всегда в преувеличенных размерах и очень часто с крайне плохим основанием, он придал чрезвычайно острый характер»³². Со своей стороны, Попов утверждает, что «финансисты старались вникать в самые мелкие детали мероприятий по военному и морскому ведомствам и требовать отчёта в том, о чём не имели ни малейшего понятия» (с. 358). Вскоре Николай II выразил недовольство этой пикировкой, но П.А. Столыпин доложил ему, что дела военного ведомства часто вносятся в Совет министров плохо подготовленными, и самому Сухомлинову неоднократно приходилось отказываться от собственных расчётов, соглашаясь с доводами министра финансов и государственного контролёра. Пётр Аркадьевич жаловался и на то, что генерал прибегал «к совершенно небывалому приёму — соглашается в Совете, а когда ему посылают составленный согласно и его мнению журнал, он пишет на него возражения, и дело слушается два и три раза, внося немалое недоумение в среду министров»³³.

Очевидно, тут сказывалась специфика положения военного министра, который подчинялся главе правительства лишь частично, поскольку ведение военной и внешней политики являлось прерогативой монарха, и Николай II предпочитал руководить дипломатией и армией самостоятельно. Тем не менее в 1907 г. император передал на рассмотрение правительства изменение штатов военных ведомств, если оно не требовало новых расходов, а в феврале 1911 г. по инициативе Столыпина повелел согласовывать все меры, касавшиеся строевой, технической и хозяйственной части войск и флота, с Министерством финансов и Государственным контролем³⁴. Поэтому определённый антагонизм между Сухомлиновым и его коллегами по Совету министров носил как личный, так и институциональный характер.

В 1909 г. поводом для конфронтации послужили донесения приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера о военной угрозе на Дальнем Востоке со стороны Японии. Коковцов и А.П. Извольский, возглавлявший МИД, успокаивали Столыпина, Сухомлинов же на основании этих сообщений заявил во всеподданнейшем докладе о «крайне опасном и даже безнадёжном положении нашей обороны на Тихом океане», сложившемся будто бы из-за того, что министр финансов отказался выделять средства, необходимые для укрепления Владивостока. Между тем Коковцов уверял Николая II в том, что всё обстояло ровно наоборот: при Редигере военное ведомство предлагало упразднить крепость во Владивостоке, а финансовое выступало против такого шага.

³² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. / Публ. В.И. Бовыкина и А.К. Сорокина. Кн. I. М., 1992. С. 312—313.

³³ Там же.

³⁴ Макаров С.В. Совет министров Российской империи. 1857—1917: государственно-правовые проблемы. СПб., 2000. С. 105.

Более того, после окончания русско-японской войны оно ни разу не предлагало сократить кредиты, предназначенные для Владивостока, а Совет министров одобрил все запросы военных, касавшиеся нужд города³⁵.

Получив от Унтербергера очередную телеграмму о подготовке японского нападения, Столыпин на импровизированном совещании Совета министров попросил членов правительства прояснить ситуацию. Извольский и морской министр С.А. Воеводский заявили, что генерал-губернатор сеет панику, а Сухомлинов уклончиво рекомендовал прислушиваться к таким предупреждениям, поскольку даже если в ближайшее время России и не грозит неминуемая опасность, всё же оборона Дальнего Востока находится в плачевном состоянии, и, в частности, не отпускаются деньги на фортификационные работы во Владивостоке. Коковцов и государственный контролёр П.А. Харитонов тут же опровергли его слова, заставив признать, что, «вероятно, какой-нибудь молодой и неопытный полковник Генерального штаба просмотрел не всё дело»³⁶. Однако Попов, бегло упомянув об этой скандальной дискуссии, пишет про «хамское поведение Коковцова», согласившегося предоставить соответствующие суммы лишь после посещения Дальнего Востока, куда он как раз собирался, и «живого обмена мнений с местными деятелями военного и морского ведомства» (с. 359). При этом исследователю удалось обнаружить в РГВИА журнал этого «межведомственного совещания», который, если верить мемуарам Коковцова, не составлялся³⁷.

Обстановка на Дальнем Востоке, по-видимому, действительно беспокоила Сухомлинова, трижды побывавшего там — в 1910, 1911 и 1914 гг. В.Ф. Романов, служивший в Главном управлении землеустройства и земледелия и являвшийся членом Особого комитета по организации прибрежной обороны и управляющим делами Амурской экспедиции, вспоминал, как в 1911 г. во время поездки по области Сухомлинов, «поглощённый решением безжизненных теоретических задач в ожидании какого-то неведомого врага, изыскивал способы, как бы получше заградить вход в Приамурье со стороны моря». Министр даже вступил в конфликт с новым генерал-губернатором Н.Л. Гондатти, который, как и местные чиновники разных ведомств, стремился, напротив, по возможности развить сообщение края с Тихим океаном. В итоге подготовленный Сухомлиновым проект в столице не поддержали³⁸.

Сановники тем временем продолжали полемику в отчётах. В конце 1909 г. Коковцов представил Николаю II развёрнутый доклад о посещении тихоокеанской окраины³⁹. Полгода спустя о собственном знакомстве с регионом доложил царю и Сухомлинов, чей отчёт «представлял собой сплошную критику» выводов и наблюдений министра финансов. Ознакомившись с ним, Столыпин не скрывал своего возмущения, а Извольский не мог «оставить без разбора его заключений по политической части нашего положения на Дальнем Востоке, поскольку они противоречат тому, что он постоянно докладывает государю,

³⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Кн. I. С. 313–316.

³⁶ Там же. С. 316–318.

³⁷ Там же. С. 318.

³⁸ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.) / Отв. ред. С.В. Куликов. СПб., 2019. С. 270.

³⁹ Всеподданнейший доклад министра финансов о поездке на Дальний Восток 17 ноября 1909 г. // Зайцев М.В., Ковалёв М.В. Государственная и общественная деятельность В.Н. Коковцова. Документальная монография. СПб., 2022. С. 171–228.

и что положено в основу всей нашей политики, освящённой полным одобрением государя». Дабы избежать очередного скандала, Сухомлинову пришлось придать своим замечаниям «совершенно конфиденциальный характер», не допускающий коллегиального обсуждения⁴⁰.

Современники нередко называли Владимира Александровича «более чем легкомысленным человеком», сетуя на его «верхоглядство» и связывая с ним неудовлетворительную подготовку империи к Первой мировой войне⁴¹. По свидетельству начальника отделения канцелярии Совета министров П.П. Менделеева, на заседаниях Сухомлинов вообще предпочитал молчать, выступал же, как правило, его товарищ — А.А. Поливанов, у которого «неизменно проходил рыцарский словесный поединок» с Коковцовым, хотя они оставались «в самых лучших отношениях»⁴². Неудивительно, что, по воспоминаниям октябриста Э.П. Беннигсена, Сухомлинов опасался Поливанова, видя в нём возможного преемника⁴³, который к тому же «в противоположность своему шефу... пользовался особенными симпатиями Государственной думы»⁴⁴.

Обращаясь к депутатам, Сухомлинов, по словам В.И. Гурко, также не умел «отчётливо доложить все задачи, осуществление которых необходимо для постановки обороны страны на крепких устоях»⁴⁵. Однако на первых порах это не препятствовало совместной работе⁴⁶. Она осложнилась лишь после того, как в 1910 г. председатель III Думы октябрист А.И. Гучков в доверительной беседе пожаловался Николаю II на беспорядки в Военном министерстве. С тех пор и Сухомлинов стал регулярно обращать внимание монарха на вмешательство думцев вообще и Гучкова с октябристами в особенности в дела армии⁴⁷.

Попов полагает, что в 1912 г. «Коковцов предпочитал служить своему фетишу полной кубышки, а не благу страны, он раскрыл ящик Пандоры, способствуя интригам лидера партии, когда-то приведённой во власть могущественным Столыпиным» (с. 412). Действительно, и в Думе, и в правительстве были недовольны тем, как военное ведомство распоряжалось выделяемыми ему суммами⁴⁸. Однако даже в офицерской среде тогда далеко не все сочувствовали Сухомлинову в его конфликте с Гучковым. К примеру, А.И. Деникин

⁴⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Кн. I. С. 352–355.

⁴¹ Голицын А.Д. Воспоминания / Сост. А.К. Голицын. М., 2008. С. 536; Беннигсен Э.П. Записки (1875–1917) / Сост. А.Г. Римский-Корсаков. М., 2018. С. 417; Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы. Воспоминания. 1905–1928 / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2016. С. 40; Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. I. Париж, 1939. С. 24–25; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2012. С. 249–250. Характерно, что первым потребовал суда над ним Н.Е. Марков 2-й (Иванов А.А. Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 380–381).

⁴² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: обрывки воспоминаний. 1864–1933 / Публ. К.А. Соловьёва и А.В. Сазанова. М., 2017. С. 219.

⁴³ Беннигсен Э.П. Записки... С. 380. Быстрое перемещение начальника Главного управления Генерального Штаба А.З. Мышлаевского на должность командира 2-го Кавказского армейского корпуса Беннигсен также объяснял интригой Сухомлинова, будто бы испугавшегося конкуренции (там же).

⁴⁴ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел / Публ. С.В. Куликова и Д.Н. Шилова. М., 2015. С. 146.

⁴⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Публ. Н.П. Соколова. М., 2022. С. 1098.

⁴⁶ Хетч О. Россия. Введение (на основании её истории от войны с Японией до Мировой войны) / Публ. Л.В. Ланника. М., 2021. С. 284.

⁴⁷ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. Т. 2. М., 2022. С. 407.

⁴⁸ Беннигсен Э.П. Записки... С. 455.

и А.М. Крымов не сомневались в виновности полковника Мясоедова и злоупотреблениях его покровителя⁴⁹. Характерно, что Коковцов, согласно воспоминаниям Беннигсена, окончательно осознал «опасность оставления военным министром Сухомлинова» лишь после того, как получил некое письмо от генерала Н.И. Иванова, командовавшего Киевским военным округом. Однако обращение главы правительства к императору осталось без результата, и тогда он «сообщил свой материал Гучкову»⁵⁰. Гурко утверждал, будто Николай II даже согласился на отставку Сухомлинова, для чего причины были «самые веские», но затем под влиянием Владимира Александровича передумал и назначил Поливанова членом Государственного совета, освободив от обязанностей помощника министра⁵¹.

Как бы то ни было, ни показания современников, ни данные, собранные Поповым, не убеждают в том, что в 1912 г. оппоненты Сухомлинова желали его политически уничтожить. Любопытно, что немецкий историк О. Хетч в 1917 г., напротив, приписывал военному министру едва ли не решающую роль в увольнении Коковцова с руководящих постов в 1914 г.⁵²

Вадим Дёмин: Интриги или политика?

*Vadim Demin (Institute of Humanities, Moscow City University, Russia):
Intrigue or politics?*

DOI: 10.7868/S3034579025060157

В основе монографии А.М. Попова — весьма солидный фундамент. Исследователь использовал обширные материалы Департамента полиции МВД и комиссии генерала Н.П. Петрова, расследовавшей обвинения, выдвинутые против В.А. Сухомлинова, и собравшей множество документов разных ведомств, привлёк источники личного происхождения (как опубликованные, так и хранящиеся в архивах) и публикации в периодических изданиях различных направлений. Значительная часть этих текстов ранее не анализировалась или рассматривалась недостаточно внимательно. Автор неплохо знаком с научной литературой, её концепциями и источниковой базой. Это позволило ему убедительно опровергнуть ряд укоренившихся в историографии стереотипов. Весьма удачная очерковая структура работы позволяет как следить за развитием событий и мотивами их участников, так и вникать в детали отдельных проблем. Книга очень хорошо написана и читается как интересный детектив.

В монографии подробно разобраны «дела» С.Н. Мясоедова и В.А. Сухомлинова и связанные с ними сюжеты. В частности, тщательно проследив жизненный путь Мясоедова, Попов подтверждает уже звучавший в историографии вывод о ложности обвинений полковника в шпионаже, но в то же время констатирует, что офицер был лишён «каких бы то ни было моральных устоев» (с. 579) и отличался мстительностью и вероломством. Так, в 1907 г. он предал жандармское ведомство, дав в суде свидетельские показания против секретных

⁴⁹ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2012. С. 228—229.

⁵⁰ Беннигсен Э.П. Записки... С. 433.

⁵¹ Гурко В.И. Черты и силуэты... С. 1047.

⁵² Хетч О. Россия... С. 192—193.